

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

Латвия от истоков к современности

Григорий Смирин

Книга Андриса Грутупса «Эшафот»

БИБЛИОГРАФИЯ

В 2008 г. книжное издательство «АТЕНА» выпустило в свет книгу Андриса Грутупса «Эшафот. О суде над немецкими генералами», Рига, 2008 г.) Как отметил автор в предисловии, «Книга посвящена одному из самых значительных в истории Латвии XX века судов. Судебному процессу, ставшему вехой между целыми эпохами» (с.7). Насколько удачно воплотился замысел автора, рассуждает доктор истории Григорий Смирин.

Сергей Мазур

Книга Андриса Грутупса имела шумные отклики в русской прессе Латвии. Как вы оцениваете книгу, насколько Андрису Грутупсу удалось раскрыть замысел книги?

Григорий Смирин

Прежде всего, хочу сказать, что мы имеем дело не с исторической, а с политической книгой, ибо ее автор преследует не научные, а явно пропагандистские цели. Это было бы полбеды, если бы сей опус не был столь ксенофобским. Книга адвоката А. Грутупса «Эшафот», описывающая процесс 1946 года над немецкими генералами в Риге, является одним из элементов провокационной кампании, спланированной и проводимой определенными политическими кругами Латвии, которые уже два десятилетия сеют рознь в обществе. Одна из целей этой кампании – пересмотр итогов Второй мировой войны в местном масштабе с целью «написать свою историю, а не довольствоваться правдой победителей». Для этой цели ими ангажированы ряд историков и псевдоисториков (к числу последних принадлежит и автор упомянутой книги).

Где коренятся истоки этой кампании?

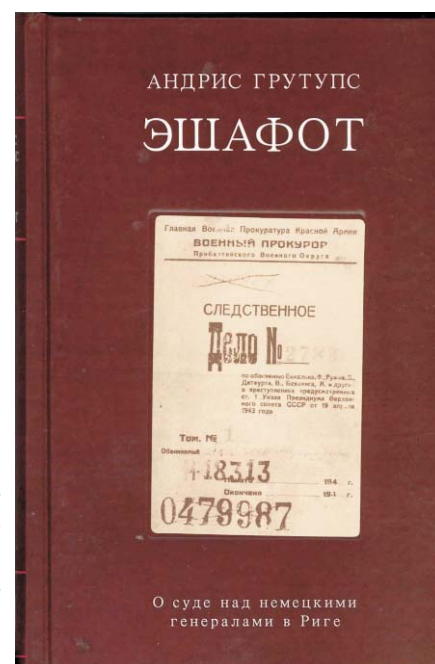
Во Второй мировой войне, когда перед нацистскими пропагандистами была выдвинута задача тесно привязать нации оккупированных территорий, в том числе и латышскую, к гитлеровскому Третьему рейху. Надо сказать, что во многом это тогда удалось, если принять во внимание число бежавших из Латвии вместе с гитлеровцами и считавших их «своими». Следует, однако, сделать оговорку, что среди этих эмигрантов

была разная публика: не только соучастники преступлений нацистов и люди, каким-либо образом запятнавшие себя сотрудничеством с ними, но и бежавшие от сталинского режима или угнанные нацистами насильно (так, перед отступлением гитлеровцы устроили настоящую охоту на людей в Риге).

Удивительно вот что.

Создается впечатление, что эти люди именно себя возмнили носителями неких особых национальных ценностей некоей своей правды, видимо, позабыв, что любая культура в диаспоре приобретает маргинальный характер. Даже многие годы жизни в западном демократическом обществе не только не привели к искоренению в латышской эмигрантской среде застарелых предрассудков, внушенных нацистской пропагандой, но содействовали возникновению в ней своих исторических мифов. Главный из бытующих там мифов состоит в том, что латышские легионеры СС сражались за независимость Латвии.

То, что подобное утверждение лишено каких бы то ни было научных оснований, очевидно. Если провести историческую аналогию, то это, по меньшей мере, равносильно заявлению, что «власовцы» под претенциозным названием «Русская освободительная армия» сражались за свободу России. Однако живучесть мифа не только в массовом сознании, но и даже в трудах историков оказалась велика. Как будто не было нацистского генерального плана «Ост», которым предусматривалось после войны «вытеснить» латышей из Латвии и в течение 25 лет заменить их 164 тысячами привилегированных немецких колонистов. Никакая независимость Латвии, даже автономия, не планировалась, а так

называемое земельное самоуправление было не только марионеткой нацистов, но и, начиная с его руководства, находилось в услужении у германских секретных служб.

Психологическая природа подобных мифов понятна: воевавшие за неправо дело и проигравшие в этой борьбе искали для себя оправдания в собственных глазах и в том же духе воспитали свое молодое поколение. Более того, успешным оказался резкспорт этих мифов в Латвию, когда в последние годы существования СССР, в годы гласности, вся эта чернота всплыла здесь. Это можно объяснить и тем, что в Латвии под ружье нацисты в том или ином виде поставили до 150 тысяч человек. Если учесть, что к началу войны население Латвии составляло около двух миллионов (около 80 % были латыши), то это могло затронуть большинство латышских семей. К тому же нацистский оккупационный режим на территории Латвии (если исключить его отношение к евреям) в целом был мягче, чем в ряде других оккупированных Германией территорий.

Заморские мифы не были критически восприняты многими местными латвийскими авторами. В период кризиса и крушения советского режима, а также в постсоветский период они действовали «от противного»: охотно подхватывали все то, что шло вразрез с советской историографией.

Второй из «импортных» исторических мифов – о том, что Вторая мировая война для Латвии окончилась только с распадом Советского Союза или, по одной из его версий, продолжается до сих пор.

Из этого нужно исходить и при оценке очередной книги Грутупса.

Сергей Мазур

Какова была специфика данного судебного процесса?

Григорий Смирин

Если начать с самого начала, то утверждение автора, что этот процесс – факт судебной истории Латвии, не имеет оснований. Дело в том, что это был один из целой серии процессов, проведенных в ряде европейских стран после окончания Второй мировой войны в соответствии с Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, принятой державами антигитлеровской коалиции в Москве в 1943 году, и Лондонским соглашением 1945 года по принципам Нюрнбергского трибунала (впоследствии эти принципы нашли отражение в ряде документов международного права). Подчеркну, что московская декларация от 30 октября 1943 года предусматривала, что германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии будут судимы и наказаны на месте своих преступлений по законам данной страны (конкретно – Советского Союза). Это была та международно-правовая основа, на которой базировались эти процессы.

Державы-союзницы исходили из опасности возрождения нацизма для всего человечества. Потому А. Грутупс совершенно прав, когда пишет о решении политбюро от 13 ноября 1945 года провести открытые судебные процессы над нацистскими преступниками в ряде городов Советского Союза с целью показать, какое

важное политическое значение придавала этому Москва.

Это был суд военного трибунала, в отличие от гражданских судов, рассматривавший дела в более упрощенном порядке, – это во-первых. Во-вторых, на ход следствия и самого процесса не могла не наложить свой отпечаток сталинская юстиция.

Итак, процесс состоялся и генералы были наказаны – приговорены к смертной казни через повешение. Однако и союзники, если взять, к примеру, Францию, применяли смертную казнь. Но если бы генералов судили союзники, то, возможно, кто-нибудь из них получил менее суровое наказание, как это было в Нюрнберге. Но я думаю, что они не были бы оправданы. Однако, если бы эти подсудимые оказались в распоряжении таких юристов, как автор «Эшафота», они либо вообще не оказались бы на скамье подсудимых (как в 90-е годы его коллеги и единомышленники реабилитировали ряд коллаборационистов, осужденных советскими судами по делам о массовых убийствах), либо были бы оправданы. Так же было и с выявленным и кочевавшим из страны в страну престарелым К. Калейсом (бывшим командиром одной из рот в пресловутой расстрельной «команде Арайса», а затем начальником охраны Саласпилского концлагеря). Дело о выдаче и предании суду этого нацистского прислужника на месте совершения преступлений было затянуто до его смерти, старости.

Сергей Мазур

На чем основывает свои оценки оценки суда Андрис Грутупс?

Григорий Смирин

Андрис Грутупс основывает свои оценки суда на первоисточниках – архивных документах и воспоминаниях современников. Это так. Не только на той брошюре 1946 года, которая была издана и на латышском, и на русских языках здесь, в Риге, в которой опубликованы основные материалы того судебного процесса. Он ознакомился и с материалами допросов, приобщенными к делу документами и т.д. Материалы по делам немецких генералов хранятся в архиве ФСБ Российской Федерации в Москве. Каким-то образом А. Грутупс получил к ним доступ. Вопрос не в том, какими источниками пользовался автор, а в том, как он интерпретирует почерпнутые из них факты. А использует он их не просто тенденциозно, а для глумления над жертвами нацизма, в первую очередь, над русским народом и другими народами стран антигитлеровской коалиции, над всеми жертвами преступного нацистского режима.

Сергей Мазур

Дьявол, как известно, кроется в деталях. Насколько соответствует историческим реалиям исторический фон эпохи, воссоздаваемый автором?

Григорий Смирин

Свою позицию автор демонстрирует, начиная с описания исторического фона, на котором проходил

процесс. Изгнание гитлеровцев из Риги в октябре 1944 года у Грутупса – «падение столицы». Оговорка «по Фрейду»? Вряд ли. В целом ряде мест видно, что автору доставляет поистине мазохистское удовольствие ставить задним числом свой народ на сторону нацистской Германии.

В частности, занижено число жителей Латвии, которые в 1941 году эвакуировались в советский тыл, – «10 тысяч, если не считать советских военнослужащих и евреев». Из имеющихся в литературе оценочных цифр (точные не выяснены) наиболее достоверной представляется цифра 38 тысяч человек, из которых евреи могли составлять до половины.

Неясно, откуда Грутупсу известно, что присутствовавшим на процессе журналистам и художникам было велено пробуждать ненависть к немцам как к народу? Сомнительно, ибо уже задолго до того прозвучали слова Сталина о том, что гитлеры приходят и уходят, а германский народ и государство остаются. Следовательно, в рамках этой непререкаемой установки речь могла идти только об осуждении нацистского режима. (Видимо, автор считает, что у самого местного населения не было никаких причин испытывать ненависть к нацистам.)

Большая часть собравшейся на улице толпы, когда к залу суда привезли подсудимых, у Грутупса – тайные агенты госбезопасности (он у всех проверил документы?), поскольку леса полны бандитами (имеются в виду так называемые «национальные партизаны» – разрозненные группы коллаборационистов, вооруженные германскими секретными службами и оставленные для действий в тылу Красной армии). Явное преувеличение. Советскую военную контрразведку СМЕРШ он называет «русским гестапо», которое хватает бывших айзсаргов, корпорантов, работников госучреждений, членов партий, кавалеров орденов. Таким образом, он невольно раскрывает основные социальные группы, из которых в Латвии рекрутировались коллаборационисты.

Помутненному национализмом сознанию автора не дает покоя то, что у публики в зале суда пестрые лица – европейские, чужие (!) и азиатские (помимо европейских и азиатских, «чужие» – это какие?). Слышна только русская речь (какой кошмар!). Ножом в сердце автору бьет то, что собравшиеся чувствуют себя, как победители: громкие голоса, бравурное поведение – «это день их победы...» Да, это день их победы, потому что они победили страшного врага. Родившемуся уже после войны А. Грутупсу «чужие» лица и «чужая» форменная одежда пригрезилась и на рижском вокзале 30 октября 1945 года. По-видимому, «своя» форма для него – немецкая, так же, как, по его словам, для рижан не чужды имена Еккельна и Руфа. Ему не дает покоя то, что в зале суда и на улицах Риги все говорят по-русски, даже латыши.

Чужая ли русская речь в Риге? Первые достоверные сведения об этническом составе населения Риги (основана, как всем известно, в 1201 году) относятся к 1209 году, а именно: это были ливы, немцы и русские. Так что можно с уверенностью сказать, что русская речь здесь звучит столько, сколько стоит этот город.

Чтобы быть до конца последовательным, автору, говоря о переименовании некоторых рижских улиц при Советах и при немцах на свой лад, следовало бы начинать с начала, а именно: с 20-х годов, когда зуд к переименованию всего и вся у новых латвийских властей был не меньшим, чем у большевиков. Тогда были переименованы не только улицы, но и многие населенные пункты Латвии – с карты исчезли исторические названия, которыми веками пользовались рижане и жители других мест.

Еккельн на процессе
(Фотография из музея «Евреи Латвии»)

Сергей Мазур

В книге явно чувствуется противопоставление обвинителей подсудимым, советского – немецкому...

Григорий Смирин

Анализируя протокол одного из заседаний ЦК Компартии Латвии, А. Грутупс приходит к выводу, что идеология была ясной и точной: немцы – плохие, русские – хорошие. Сам же, рядясь в тогу «объективиста», в книге последовательно проводит свою идеологию – с точностью до наоборот. Он не только сравнивает судебный процесс с судилищем средневековой инквизиции, но и постоянно пытается продемонстрировать, насколько возвышенны и благородны подсудимые и какие ничтожества те, кто их судит.

В частности, автор копается в грязном белье, выявляя обстоятельства личной жизни председателя трибунала Панкратьева, чтобы показать его низкий моральный облик. Это потребует автору в дальнейшем для противопоставления судей «высоконравственным» немецким генералам. Демонстрация вещизма советских военных юристов также призвана продемонстрировать их низкий моральный облик на фоне немецких генералов – важно для контраста в контексте всплывшего на процессе факта о вывозе главным подсудимым – высшим эсэсовским чином в рейхскомиссариате «Остланд» Фридрихом Еккельном награбленного в Латвии имущества на грузовиках. Говоря о разграблении имущества немцами в Латвии, для «равновесия»

автор приводит не имеющие отношения к делу факты вывоза трофейного имущества советскими военными из Германии.

Объект особой антипатии для Грутупса – главный обвинитель на процессе – советский военный прокурор Николай Завьялов, которому автор, трактуя содержание протоколов судебного заседания, всякий раз с чувством глубокого удовлетворения присуждает поражение в полемике с подсудимыми. Он неустанно перебирает не имеющие отношения к делу обстоятельства личной жизни Завьялова, подчеркивая его необразованность и моральную неустойчивость – опять же для контраста с характеристиками подсудимых генералов, почерпнутыми из немецкого архива.

В советских же архивах автор «накопал компромат» на бывшего на процессе переводчиком советского офицера Петра Крупникова (ныне это видный ученый-историк и педагог, профессор, воспитавший не одно поколение студентов). Оказывается, он служил в СМЕРШе. Вряд ли здравомыслящий читатель воспримет этот факт как постыдный. Напротив, это почетная страница в биографии, памятуя о том, какой вклад внесла эта спецслужба в разгром нацизма. Кроме того, она не дала уйти от ответственности многим нацистским коллаборационистам, повинным в чудовищных преступлениях. (Тех из них, кто бежал с гитлеровцами, приютили страны Запада, в условиях начавшейся Холодной войны положив под сукно соответствующие соглашения держав антигитлеровской коалиции.)

Вводимые в зал подсудимые представлены в книге как интеллигенты и аристократы. Еккельн представляется трибуналу, «с гордостью» называя свои звания и должности. Ответы этого обер-палача суду «строгие», а поведение «самоуверенное» – кажется, что он не в зале суда, а выступает с «сообщением на совещании в штабе армии».

Приводя слова Еккельна о том, как тот на одном из нацистских сборищ выставил вон пьяного Эриха Коха (будущего рейхскомиссара Украины), взяв его за галстук, автор впадает в экстаз от восторга по поводу чувства юмора и остроумия генерала. Об оживлении, которое якобы было вызвано в зале этим рассказом, пишет, что присутствовавшие на суде советские офицеры увидели в этой потасовке «что-то близкое», «что-то русское», – примерно так же писала о русских издававшаяся в Риге во время оккупации фашистская газета «Тевия».

Один из бесконечных восторгов по поводу того, что «гордости и самосознания немцам хватает», связан с откровенным изложением Еккельном нацистских планов в Прибалтике: Латвия, Литва и Эстония – старинные немецкие области. Немцам надо дать возможность там селиться. Лишь небольшая часть прибалтов достойны стать гражданами нового государства. Остальных следует переместить, других – германизировать, а государственную самостоятельность ликвидировать, «что мы и делали».

Для чего понадобились Грутупсу откровения Еккельна о судьбе народов Прибалтики? Для того, чтобы приравнять планы нацистов к «советской колонизации», которые, как считает Грутупс, прикрывались политикой индустриализации; что планы нацистов заселить

Латвию немецкими колонистами Советами были превышены вдвое. Здесь также воспроизводится распространенный исторический миф о намерении Советов, привлекая в Латвию русскую рабочую силу, уничтожить латышский народ. Наивно. Неужели Сталину, перемещавшему целые народы, для осуществления такого намерения (если бы оно у него было) понадобилось идти столь сложным путем? Неубедительно, как и стенания (в другом месте) о снижении рождаемости у населения коренной национальности. Снижение это в действительности было обусловлено процессом демографического перехода, а не политикой советской власти. Кстати, у некоренного населения тоже снизилась рождаемость и даже в большей степени.

А вот весьма достойный внимания факт. «Благородный» Еккельн, которому так явно симпатизирует автор, на вопрос суда об оставленных им в Риге агентах, для отвода глаз подло называет чудом выжившего в гетто и концлагере еврея-портного Рудова и латышадворника Суна (крупные агенты!). Борису Рудову (1906–1976) это заявление сломало жизнь: уже через месяц, 4 марта 1946 года, во внесудебном порядке он был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), а в 1951 году был арестован повторно по тому же обвинению и приговорен к 10 годам ИТЛ (в 1954 году освобожден). Даже в 1971 году Б. Рудову было отказано в реабилитации. В тюрьму попал и дворник Суна.

Председатель суда СС Центграф, выступивший свидетелем на процессе, противопоставляется прокурору Завьялову – не он, а якобы Центграф сформулировал на суде меру ответственности Еккельна за совершенные преступления. Это у автора являет превосходством немецких юристов, а откровенный ответ Еккельна, «честно и мужественно» признавшего свою вину, в очередной раз вызывает его восхищение, как и аристократическое происхождение и облик подсудимого Дижона фон Монтетона. Совершенно серьезно приводит он характеристику подсудимого Кюппера, взятую из немецкого архива: хороший товарищ, приятный компаньон, доброжелателен и честен с подчиненными, на полях сражений не бывал, инициативу не проявлял. Единственный грех – боролся с бандитами и преступниками (в терминологии Грутупса и его единомышленников из цеха историков – это советские партизаны и подпольщики). В сухих строках протокола, где содержится вопрос прокурора Завьялова об участии подсудимого Киппера в карательных операциях против партизан, усматривает особую «издевку». (Из приведенного в книге текста протокола это не вытекает.) Далее следует цитата из служебной характеристики подсудимого Паула. Какой человек! И как примитивно ведет его допрос Завьялов!

Сергей Мазур

Концептуальным аспектом в книге является национальный вопрос.

Григорий Смирин

Как у Булгакова советских обывателей испортил квартирный вопрос, так А. Грутупса – национальный. Автор настолько озабочен этим вопросом, что он не

только становится самодовлеющим в книге, но и используется для «принижения» суда. В итоге весь судебный процесс представлен так, что не советское государство судило немецких генералов, а евреи – немцев. В этой связи становится понятным, почему именно Завьялов является «любимым» персонажем автора. А. Грутупс выдвигает и неоднократно повторяет версию о еврейском происхождении Завьялова (не подтвердившуюся, впрочем, архивной проверкой).

А если действительно принять на веру версию автора, и прокуроры Завьялов и Фаркин – действительно евреи, то какое значение это имеет в контексте данного судебного процесса? Если бы на их месте оказались люди другой национальности, что в ходе процесса было бы иным? Разве честный юрист мог бы иначе вести сторону обвинения на нем? Грутупсу нужно указать пальцем на евреев, чтобы показать некую лидирующую их роль на этом процессе. Он упрямо выискивает в протоколах места, где Завьялов специально озабочен судьбой евреев, проявляя свою особую пристрастность. Многократно подчеркивается потрясенность Завьялова уничтожением своего народа – евреев.

Подчеркнуто полностью приводит имя и отчество Бенямина Залмановича Карпина – присланного из Москвы одного из руководителей следственной группы, – чтобы было видно, что он еврей. Прием, заимствованный из сталинской кампании с «космополитами» и из практики приснопамятного российского шовинистического общества «Память». Неоднократно акцентирует А. Грутупс и то, что в качестве переводчиков в ходе следствия и на суде использовались евреи – знатоки латышского и немецкого языков: Фаина Геб, Абрам Фогель и его жена Роха Зак. Странное для юриста приравнивание переводчика к самостоятельному участнику уголовного процесса.

Чтобы приписать евреям как народу некую особую мстительность, А. Грутупс анализирует вышедшие в Германии вскоре после войны мемуары бывшего узника Рижского гетто Макса Кауфмана. В своем рвении обосновать, что это качество присуще евреям изначально, автор обращается даже к Ветхому Завету (еврейскому историческому и литературно-художественному памятнику, создававшемуся, как известно, в период разложения родового строя и становления рабовладельческого общества) – у Кауфмана взят отсюда эпиграф. Больше всего в книге Кауфмана Грутупса не устраивают приведенные там слова Еккельна на суде.

Отвечая на вопрос о том, почему Латвия была избрана местом депортации иностранных евреев для их уничтожения, эсэсовский генерал якобы сказал: «...за конкретные убийства отвечает латвийская почва». Автор торжествует, что ни в протоколах следствия, ни в протоколах судебных процессов таких слов он не нашел. Следовательно, выходит, что участие местных коллаборационистов в Холокосте – миф, выдумка одного рижского еврея. Удивительно, что в этом отношении Грутупс испытывает полное доверие к протоколам дела, которые сам считает сфальсифицированными. Однако известно, что в послевоенные годы тема массовых расстрелов именно евреев намеренно не подчеркивалась – расстреливались «советские люди», и протоколы

корректировались под стандарт того времени. Не отсюда ли трактовка эпизода из осени 1941 года: стоящие у края ямы две еврейские девушки в одном нижнем белье. Вопрос одной из них, не следует ли снять и его, кощунственно преподносится Грутупсом как «кокетливый».

Далее автор воспроизводит ничем не подтвержденные слухи, что вышеприведенные слова в уста Еккельна якобы вложил Маврик Вульфсон (глав-

На процессе. Справа налево: в 1-м ряду: Еккельн, Руфф, Бекин, Кюппер во 2-м: Павул, Вертер, Дижон фон Монтетон (Фотография из музея «Евреи Латвии»)

ное – еврей!), присутствовавший на процессе как журналист. Подчеркивание этнической принадлежности участников процесса приобретает в книге навязчивый, непристойный характер. Мстительный еврей из Вильнюса Анолик кровожадно требует крови подсудимых. Для автора очень важно, что переводчик подсудимого Руфа профессиональный языковед Любовь Сутина – еврейка, что жалобу военнопленного архитектора Блашека на недоплату жалованья отклонил именно еврей – оперуполномоченный управления военнопленных Абрамович, что еще одной переводчицей была «какая-то рыжая еврейка» Ф. Дейфт (что она рыжая, разглядел на черно-белом фото?).

Не забыл А. Грутупс упомянуть и то, что переводчица у подсудимого Кюппера – молодая еврейская девушка Нехам Лурье. Еще более важно для него то, что в 30-е годы она была подпольщицей. Эта деталь нужна для того, чтобы показать изначальную враждебность евреев латвийскому государству.

Вопрос о том, почему часть еврейской (наряду с латышской) молодежи примыкала к нелегальному революционному движению, требует изучения. Во всяком случае, не в силу низких нравственных качеств – в подавляющем большинстве это были глубоко порядочные люди. Причину, толкавшую их на такой путь, следует искать в реалиях ульманисовского этнократического государства, в котором они не видели для себя перспективы. Это – во-первых. Во-вторых, куда больше еврейской молодежи состояло тогда в сионистских организациях «Олим» и «Бетар».

Факт, в очередной раз демонстрирующий у автора «особое доверие» советской власти к евреям: в условиях

запрета для населения пользоваться радиоприемниками единственный аппарат в редакции газеты «Циня» был доверен Маврику Вульфсону (и упаси бог, чтобы услышали другие!).

Создается впечатление, что этническая принадлежность персонажей книги завязла у автора на зубах. То, что адвокат Виктор Маркевич – поляк, оказывается, тоже имеет значение. Свидетелей он также делит по «сортам» – латыши, русские, евреи. Не остается без внимания автора и факт, что один из сталинских сатрпов Кобулов был армянином.

В приведенном страшном эпизоде, случившемся в Даугавпилсе, когда женщина сначала взялась спасать евреев, а потом выдала их нацистам, Грутупсу, в первую очередь, важно то, что по национальности она была полька.

Даже участвующих в процессе латышей он делит по сортам: местные латыши, так сказать, более высокая каста, и латыши, которые жили в России – это у него второй сорт. Оказывается, очень важно, что члены трибунала Якобсон-Андерсон и Кирре – российские латыши. «Разве из России присылали латышей? – вопрошает автор, имея в виду латышей, направленных после войны из других республик СССР на работу в Латвию. – Присылали шваль и отбросы...» Ну, просто безумно любит Андрис Грутупс свой народ!

Также совершенно серьезно автор приписывает мемуаристу Эльмару Ривошу утверждение, что латыши – родственник немцам по крови и расе народ. Бывший узник Рижского гетто скульптор Э. Ривош, автор превосходных по содержанию и форме «Записок», был глубоко интеллигентным человеком и в силу этого никак не мог разделять расовую теорию нацистов. Он пишет о таком «родстве» с иронией, ибо это внушали латышам во время оккупации их доморожденные нацистские идеологи. Даже в толпе, собравшейся на казнь немецких генералов на площади Победы в Риге 3 февраля 1946 года, следуя своей установке, Грутупс выскивает евреев, хотя по окончании войны в городе их осталось неполные две сотни.

Однако автор видит, что они торжествуют – наконец пришла столь долгожданная расплата! И, конечно же, как не отметить «апофеоз»: текст приговора зачитал еврей П. Крупников.

Относительно дня казни могу добавить, что бывшие узники, как об этом рассказали они сами, считали своим долгом присутствовать при этом, как и многие другие рижане, желавшие видеть, как свершится справедливое возмездие, – вопреки утверждению Грутупса, что народ сгоняли туда в принудительном порядке.

Из рассказов очевидцев вытекает также лживость утверждения, что «благородный» Еккельн сам полез головой в петлю, – а на самом деле он старался от нее увернуться. Сравнение этой казни со средневековыми обычаями вряд ли уместно, если принять во внимание казни и их способы, практиковавшиеся нацистами.

Сергей Мазур

В продолжение темы. Григорий, поясните, пожалуйста, в чем смысл еврейской темы в книге?

Григорий Смирин

Грутупс говорит о некоем латышско-еврейском балансе как об историческом счете между народами, и этот баланс, как он пишет, до сих пор не подведен. Связывая сталинские депортации 1941 года с евреями, автор прибегает к искажению исторических фактов. Сталинские репрессии в то время еще не носили национальный характер. Они проводились по соображениям пусть параноидальным, но не национальным. Хорошо известно: евреи пропорционально пострадали от них больше, чем латыши. Это нашло отражение в целом ряде научных публикаций и не требует особых разъяснений (около 11% депортированных при доле в составе населения около 4%). Приписывание евреям особой роли в этих репрессиях – это уж воистину с больной головы на здоровую: весной 1941 года из 320 человек в латвийском ведомстве госбезопасности евреев было примерно 20 – по оценке проф. А. Странги, который в монографии «Евреи и диктатуры в Прибалтике» пишет, что не знает в то время более латышской организации, чем латвийский филиал ЧК.

То, что здесь эту организацию короткое время возглавлял присланный из России еврей Семен Шустин, не меняет дела: на документах о депортации над его (всего лишь капитана (!) госбезопасности) подписью стояли подписи высших руководителей Латвийской ССР – латышей.

Национальный состав «троек», которые производили аресты людей с целью депортации, однозначно искажен утверждением, что третий в очень многих случаях был евреем. (Грутупс ссылается на мемуары бывшего узника Рижского гетто Исаака Клеймана.) Если известно, что в ночь на 14 июня 1941 года из Латвии были вывезены 5520 семей, нетрудно прикинуть, сколько для этого потребовалось евреев в «тройках». Для «обоснования» этого количества привлекается фальсификация (исходящая, правда, от других авторов) о числе евреев в Рабочей гвардии, которые якобы привлекались в состав «троек», – 10 тысяч человек. (В действительности Рабочая гвардия была распущена в мае 1941 года – за месяц до описываемых событий.)

Эта цифра соответствует общей численности Рабочей гвардии, а евреев в ней только 10–15 % (по оценке изучавших этот вопрос историков, списки не сохранились). И, наконец, если один из «тройки» был евреем, то кто же были двое остальных? Этот вопрос автор оставляет без ответа...

Добавлю: участие в Рабочей гвардии не постыдный, как это хотелось бы представить Грутупсу и его единомышленникам, а почетный факт. С началом войны, когда сталинисты хватились, что напрасно распустили эту организацию, рабочегвардейцы участвовали в обороне Риги (конец июня 1941 года), а в июле из остатков Рабочей гвардии и из других жителей Латвии были сформированы два добровольческих латышских стрелковых полка Красной армии, которые в дальнейшем участвовали в обороне Таллина, а затем Ленинграда.

Выделяя некую особую роль евреев в установлении советской власти в Латвии в 1940 году, автор пишет, что многие офицеры Красной армии поселились в

еврейских семьях. Точно так же обстояло дело и в других семьях – квартиры по-большевистски «уплотняли». Смехотворно его утверждение, что в знак солидарности еврейские женщины носили ситцевые платья, как и офицерские жены (передергивает факт из воспоминаний Кармеллы Скорик). По сути, это была всего лишь дань моде еще с начала 30-х гг. Автору же эта деталь нужна для подтверждения мифа о том, что заметная роль евреев при новом режиме была причиной того, что латыши идентифицировали советский режим с евреями в целом. Как показали исследования серьезных историков, до войны в массовом сознании латышей не было собирательного образа «жида-большевика», так же как и «жида-чекиста», – ну, не играли евреи существенной роли в установлении и функционировании советского режима. Этот миф внедрился и укоренился в массовом сознании латышей только благодаря нацистской пропаганде, в частности газете «Тевия», родственным ей провинциальным газетам и книге «Страшный год».

Не требует особых комментариев и утверждение, что политруками Красной армии были главным образом евреи. Это после сталинских «чисток» 1937–1938 годов, когда состав армейских политорганов, как и командный, стал совершенно иным? Непонятно также, откуда взята откровенная нелепица, что евреи-политруки при отступлении Красной армии врываются в небольшие города и местечки, чтобы поджечь церкви. По всей вероятности, это утверждение взято из фашистской «Тевии» за 1941 год, которая писала, что церковь Святого Петра в Риге была «подожжена большевиками и жидами». «Криводушие и ложь – оружие большевиков», – пишет далее автор. А каково оружие Грутупса и его единомышленников?..

Превратно преподнесен и факт, что в конце июня 1941 года, когда Красная армия оставляла Ригу, вдоль улицы Бривибас звучали выстрелы. По Грутупсу, это чекисты расстреливали шпионов и диверсантов. В действительности (и это отражено в целом ряде воспоминаний, а некоторые очевидцы еще живы), когда советские военные уже ушли и не могли ответить, местные пособники гитлеровцев трусливо и подло из окон и чердаков стреляли по мирным жителям, пытавшимся уйти в советский тыл, чтобы спасти свою жизнь.

Привлекают внимание и пассажи А. Грутупса о распространителе ненависти – «советском Геббельсе» Илье Эренбурге. В то время примерно то же самое, что и Эренбург, писали все советские публицисты. (Для «равновесия» автору следовало бы также посмотреть, что писали нацистские издания для латышских легионеров.) Эренбург был самым талантливым, поэтому запомнился больше, чем другие публицисты. Даже газета «Правда» 14 апреля 1945 года (после того как «сверху» был дан «обратный ход») подвергла резкой критике за «перегибы» именно Эренбурга. Непонятно, откуда Грутупс взял, что истории немецких солдат у Эренбурга выдуманные. Объяснений и источников он не приводит.

То, что описываемые далее преступления советских военных в Восточной Пруссии носили столь массовый

характер, – недостоверно. Просто Грутупсу надо показать вину в этом еврея-подстрекателя Эренбурга и преступный характер Красной армии в целом. А надо бы учесть то, что видели красноармейцы, проходя по освобожденным от гитлеровцев территориям. Непонятно также, откуда взялись в Восточной Пруссии во время войны русские мальчишки, вырывающие сумочки из рук у почтенных немецких фрау. Автор противоречит сам себе, когда пишет, что массовое переселение русского населения туда началось позднее.

И еще об Эренбурге. В 1975 году мне, тогда студенту, профессор Латвийского университета, известный латышский писатель Арвид Григулис рассказал, что в Латышской дивизии, в которой он воевал, всю прессу по прочтении пускали на самокрутки. Вырезки же статей Эренбурга хранили и, более того, их всегда можно было обменять на махорку.

Бой за Ригу в октябре 1944 года. Красная армия для автора – противник, значит, «свои» все-таки гитлеровцы.

Откровенная ложь, что «бессмысленный огонь» русской артиллерии и атаки пикирующих бомбардировщиков причинили не меньше ущерба, чем немцы. Рига вообще сравнительно мало пострадала от войны. Те же потери, которые понес город, были причинены главным образом Старому городу гитлеровцами при штурме в июне 1941 года.

Красноармейцы в октябре 1944 года, наоборот, предотвратили уничтожение целого ряда объектов (в том числе и памятник Свободе), подготовленных немцами к взрыву перед бегством из города.

Сергей Мазур

Каков общий итог, общее впечатление о книге?

Григорий Смирин

У меня есть несколько общих мыслей об этом сочинении. Первое, что бросается в глаза, – это то, что книга откровенно ксенофобская, с сильным компонентом антисемитизма. Неуместно и назойливо подчеркивается национальная принадлежность персонажей книги, которую автор использует как подспудно осуждающий фактор. Он применяет характерный для националистов прием: на основании действий отдельных представителей народа распространяет выводы о них на весь народ в целом. При этом он пользуется обстоятельством, что этнический состав советской номенклатуры не изучен, поэтому возражения затруднительны.

Сознательно эксплуатирует представления отсталой, малосведущей части населения о некоей якобы особой связи евреев с советской властью, что советскую власть принесли в Латвию именно евреи, что евреи проявили себя неизмеримо злыми и враждебными латышам и заслужили отмщение. В русле этой логической парадигмы напрашивается вывод, что унижение, ограбление и уничтожение своих еврейских сограждан местными коллаборационистами были заслуженными.

В то же самое время, делая упор на то, что никто из подсудимых немцев якобы не подтвердил участие латышей в расстрелах евреев (а подсудимых об этом, похоже, и не спрашивали – это противоречило бы

сталинской концепции единого советского народа), автор преследует цель показать, что местные коллаборационисты вообще не имели отношения к Холокосту.

Делая заявку на описание исторических событий «как это было», проявляет особую тягу к описанию преступлений коммунистов, не рассказывая о преступлениях нацистов, что в глазах несведущего читателя может создать превратную картину истории.

В книге присутствует сильная антирусская линия: автор неуклонно тщится доказать, что русские были такими же преступниками, как немцы, если не хуже.

Одна из целей автора – показать, что это был не суд над немецкими генералами, осуществлявшими геноцид, а суд евреев над немцами, что это был акт мести евреев немцам (не дает покоя все тот же этнический фактор). В этих целях автор произвольно вкладывает свои мысли в уста персонажей книги, акцентируя еврейское происхождение (истинное или мнимое?) целого ряда из них.

Утверждение автора о том, что весь аппарат советской военной прокуратуры в то время состоял преимущественно из евреев – бывших аптекарей, даже не требует проверки в силу своей абсурдности.

В трактовке процесса неизменно присутствует противопоставление образованных и статных подсудимых и малограмотных, неотесанных судей и обвинителей. Проводится мысль, что интеллигентные и гордые немецкие офицеры были обречены на смерть темными и невежественными евреями и русскими. В стремлении дискредитировать процесс показания свидетелей расцениваются автором как данные под угрозой советских следственных органов. (Изучение документов тех лет, в частности материалов Чрезвычайной государственной комиссии, обнаруживает более чем достаточное количество добровольных показаний, данных по инициативе самих очевидцев.)

«Эшафот» – это ни в коей мере не историческая книга, поскольку в ней не анализируются и не трактуются исторические факты. Более того, в силу своего дилетантизма автор не сумел сколько-нибудь толково распорядиться оказавшимся в его распоряжении ценным архивным материалом, обнаружив полную беспомощность в их научной интерпретации.

Но это Грутупсу и не нужно, ибо стоящие перед ним цели не научные, а политические.

Книга не информативна и бесполезна для историка. (Единственный приведенный в ней факт, представляющий собой полезным, – то, что на процессе Еккельн выдал якобы оставленных им «агентов» – портного и дворника.)

Во всем повествовании доминирует формально-юридический подход: если вина не доказана, то как бы нет и преступления. Такой подход в принципе не продуктивен в исторических исследованиях.

Описывая процесс как своего рода грандиозный спектакль, автор в некоторой мере прав, ибо открытые судебные процессы были задуманы державами-победительницами с учетом заразительности идеологии нацизма.

То, что автор раздаривает свою книгу школам, как нам представляется, не таит в себе существенной опасности. Вряд ли кто-то из детей сможет ее осилить, поскольку в литературном отношении она слабая и страшно нудная, поэтому ее чтение требует немалых усилий. Не помогает даже беллетризация – отступления «о погоде и о природе», разбавление канцелярского языка судебных протоколов какими-то эмоциональными вставками.

Главное, что хотелось бы подчеркнуть: в случае с книгой «Эшафот» мы имеем дело не просто с иной концепцией изложения исторических событий, как может показаться на первый взгляд, а с конъюнктурным пересмотром итогов Второй мировой войны с точки зрения проигравшей стороны, т.е. нацистов и их местных пособников. Для этого на вооружение берутся приемы из их пропагандистского арсенала: русофобия и антисемитизм, дискредитация советских военнослужащих и партизан, внесших основной вклад в разгром нацизма. Ни к чему иному желание писать «свою историю» и «не довольствоваться правдой победителей» привести не может. Поэтому не удивительно, что методологически книга Грутупса «Эшафот» близка таким пропагандистским фальшивкам, как «Страшный год», публикациям газеты «Тевия» и ей подобным, издававшимся нацистами и их пособниками.